

Ю. А. Говорухина

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА
НА РУБЕЖЕ XX-XXI веков

Монография

Институт филологии и языковой коммуникации

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Юлия Говорухина

**Русская литературная критика
на рубеже XX-XXI веков**

«Сибирский федеральный университет»

2012

УДК 82.09
ББК 83

Говорухина Ю. А.

Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков /
Ю. А. Говорухина — «Сибирский федеральный университет»,
2012

ISBN 978-5-7638-2567-1

В монографии выявляются причины эпистемологического тупика, в котором оказалась теория критики в 1980-е годы, предлагается вариант его преодоления. В границах терминологического и понятийного поля герменевтической онтологии выявляется и описывается структура литературно-критической деятельности, вводятся новые классификационные критерии для типологии современной литературной критики. Автор анализирует внутренние механизмы порождения интерпретационных стратегий и риторики «либеральной» и «патриотической» толстожурнальной критики рубежа XX-XXI веков. Отдельная глава монографии посвящена исследованию интерпретационных и коммуникативных стратегий Н. Ивановой, В. Бондаренко, М. Липовецкого, В. Курицына, Д. Быкова. Издание адресовано профессиональным критикам, филологам, лингвистам, литературоведам и читателям, интересующимся вопросами теории и истории литературной критики, герменевтики, текстопорождения и восприятия.

УДК 82.09
ББК 83

ISBN 978-5-7638-2567-1

© Говорухина Ю. А., 2012

© Сибирский федеральный
университет, 2012

Содержание

Введение	6
Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации	11
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ю. А. Говорухина

Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков

Введение

Современный этап литературоведения характеризуется ситуацией методологического плюрализма, гуманитарного «взрыва» (Ю. М. Лотман), «эпистемологического разрыва» (М. Фуко), совпавшего с тотальной модернизацией всех уровней социальной жизни. Рубеж XX–XXI веков в гуманитарной сфере – время терминологической неопределенности, когда понятия лингвистики, философии, психологии и психоанализа, социологии, культурологии, герменевтики и семиологии конкурируют в языковой картине мира. Возникают новые области гуманитарного знания, обостряются терминологические и понятийные проблемы, формируются многообразные подходы к исследованию и истолкованию как отдельных терминов, текстов, литературных явлений, так и литературного процесса в целом. Все это определяет актуальность изучения разных уровней литературного процесса рубежа XX–XXI веков: от исследования художественных миров отдельных авторов до выявления закономерностей, тенденций развития ведущих (литературных) направлений в широком литературном контексте. В то же время предметом большинства исследований становится по преимуществу художественная литература, в то время как современная литературная критика, являющаяся неотъемлемой частью литературного процесса и выполняющая функцию самосознания литературы, пока должным научным образом не описана и не исследована. Формирующиеся новые методологические подходы используются для исследования исключительно художественной литературы.

Литературная критика изучается в рамках прежних методологических парадигм, созданных в 1970–1980-е годы – в период активного развития теории критики (работы В. И. Баранова, Ю. Б. Борева, А. Г. Бочарова, Б. И. Бурсова, А. С. Бушмина, А. Н. Иезуитова, В. Н. Коновалова, М. Я. Полякова и др.). Позитивистски ориентированная и в этом своем качестве генетически восходящая к метакритике XIX века, теория критики этого периода актуализирует понятия «метод», «объективность», «научность», направляет исследовательские усилия на анализ содержательных, проблемных историко-культурных аспектов литературно-критической практики.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов литературоведение накапливает основательный опыт критического осмысления позитивистских концепций литературной критики (в работах В. С. Брюховецкого, Г. А. Золотухина, В. Е. Хализева, Л. В. Чернец), однако методологического обновления, которое могло бы послужить импульсом дальнейшего активного развития теории, в 1990-е годы не произошло. Сегодня теория критики как отдельная самостоятельная ветвь литературоведения практически не существует, отсутствуют методологические и теоретические основания для исследования современной литературно-критической практики. Внимание литературоведения обращено к истории критики, персональным критическим дискурсам XIX – начала XX века¹, истории критики того или иного региона². К новейшему времени хро-

¹ Ермолаева И. А. Литературно-критический метод В. В. Розанова: Истоки. Эволюция. Своеобразие: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003; Юрина Н. Г. Литературно-критическая концепция В. С. Соловьева: истоки, становление, развитие: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004; Локтева С. А. Типологические принципы литературной критики А. М. Скабичевского: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2005; Крылов В. Н. Русская символистская критика (1890-1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007; Чернаков И. Э. «Художественная критика» И. Ф. Анненского в составе его литературного наследия: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2007 и др.

нологически наиболее приближены исследования, посвященные критике А. И. Солженицына³. Научное же изучение современной критики, главным образом, ограничивается узким лингвистическим аспектом⁴, посвящено новым формам бытования критики⁵. Отсутствуют целостные монографические исследования, посвященные осмыслению специфики литературно-критической деятельности и ее структуры, взаимодействию критики и риторики, изучению современной критики: ее проблемно-тематического поля, методов, ведущих персональных коммуникативных и интерпретационных стратегий, типологии дискурсов.

Такая ситуация в изучении современной литературной критики объясняется, на наш взгляд, двумя основными группами взаимосвязанных социокультурных и теоретико-методологических причин. Первая – специфика самой литературно-критической ситуации. Еще в XIX веке сложилось мнение о том, что в идеале именно критика определяет направление, стержень журнала. Переходные периоды 1950-х – начала 1960-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Октября»), второй половины 1980-х – начала 1990-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Молодой гвардии», «Огонька») – время острейшей журнальной борьбы, пропаганды своих ценностей. Идеологическая составляющая в период «оттепели» и перестройки обуславливала особенности литературно-критического мышления, ценностные иерархии, оценки. Критика являлась центром общественного внимания, литературные статьи вызывали отклик не меньший, чем сами литературные произведения, а «толстые» журналы переживали настоящий бум. В 1990-е годы, по мнению самих критиков, критика перестает восприниматься как поле идеологической борьбы, журналы теряют былое позиционное единство, а в конце 1990-х – начале 2000-х годов процесс противостояния перетекает в процесс диффузии⁶. Неслучайно в дискуссиях последних лет одной из причин упадка журналов называют публикацию в них идеологически (в широком значении) разнонаправленных публицистических и литературно-критических работ. Консервативно ориентированная критика уже в 1990-е годы преодолевает сложившийся своеобразный закон критического освоения только «своих» текстов, а либеральная во второй половине 1990-х практически перестает быть агрессивной в отношении своих оппонентов.

Ситуация идентификационного кризиса в критике 1990-х годов осложнилась сменой поколений: большая часть критиков периода «оттепели», для которых процесс самоидентификации предполагал в основном социальное и идеологическое самоопределение, уходит из литературной жизни. Приходящее в критику молодое поколение работает в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, ему в меньшей степени свойственно стремление выступать «от группы» и более характерен эгоцентричный тип проявления «самости».

Вторая группа причин эпистемологического тупика отечественной теории критики – отсутствие методологической парадигмы, которая была бы релевантна особенностям литературно-критического мышления переходной эпохи, сформированного кризисными социо-

² Плюхин В. И. Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2008.

³ Автократова Т. М. Из литературной коллекции А. Солженицына как явление писательской критики: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004; Алтынбаева Г. М. Литературная критика А. И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007; Малышкина О. И. Писательская критика в жанровой структуре книги А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом»: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010.

⁴ Гугунава Д. В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003.

⁵ Сергунина Н. А. Литературная критика в руинете как звено коммуникативной системы: автор-текст-аудитория. Теория вопроса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Чиненова О. С. История телекритики в России на фоне истории русской литературной критики: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006; Пасынков Н. В. Литературная критика в средствах массовой информации в русскоязычном Интернете 1994 – 2006 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

⁶ Так, например, А. Василевский отмечает: «Идет процесс медленной диффузии между “патриотической” и “либеральной” сферами в местах их соприкосновения. Эта диффузия имеет самые разные формы» (см.: Ответственность и ответственность литературной критики: материалы круглого стола: [Электронный ресурс]. URL: <http://lecture.imhonet.ru/element/1005065/> (дата обращения: 16.12.2010)).

культурными обстоятельствами. Все это обнажает проблему построения нелинейной модели литературно-критической деятельности, типологии литературной критики, поиска новых классификационных критериев, лежащих в области текстопорождающих механизмов. Существующие сегодня основания типологии современной критики (по форме бытования: журнальная, газетная, телевизионная, сетевая; по ценностно-идеологическому критерию: либеральная, патриотическая) охватывают лишь видимый пласт литературно-критического дискурса и не дают представления о коммуникативных и интерпретационных механизмах современной литературной критики, самоидентификационных процессах, протекающих в ней.

В обстоятельствах отсутствия теоретико-критического дискурса функцию самоосмысления берет на себя сама критика. В «толстых» журналах рубежа XX – XXI веков она представляет такой опыт интерпретации и самоинтерпретации, который начинает противоречить сложившимся теоретико-критическим описаниям, требуя смены научного подхода. Традиция классической методологической герменевтики, полагающая средоточие смысла в авторской интенции либо в самом тексте, не «совпадает» ни с опытом интерпретационной деятельности, ни с самопредставлением современного критика, который склонен в собственной деятельности видеть процесс самоосмысления, понимания не столько текста, сколько себя в связи с этим текстом, и который воспринимает литературно-критический акт как творческий, сродни художественному. Ситуация «конфликта интерпретаций» внутри метакритики (теоретико-критической и литературно-критической) делает актуальным поиск нового методологического основания для исследования критики постсоветского периода, которое, с одной стороны, преодолевало бы позитивистскую гносеологическую парадигму, а с другой, соответствовало литературно-критической практике и отразившимся в ней коммуникативным (в широком значении) установкам. На наш взгляд, таким основанием для адекватного современной литературной критике метакритического описания может стать герменевтико-онтологическая философская традиция в комплексе с «археологическим» структурализмом М. Фуко и коммуникативным подходом к тексту.

В предлагаемом исследовании современный литературно-критический дискурс рассматривается как способ осмысления и описания социокультурных событий постсоветского периода в социальном и экзистенциальном аспектах и поиска новой литературно-критической (само)идентичности. Литературная критика изучается в контексте теоретической проблемы способов презентации события в различных нарративных дискурсах и понимается как особое коммуникативное пространство, в котором смысловая организация критического текста и структура предполагаемой авторской программы воздействия на читателя находятся в особом взаимодействии с прагматикой текста. Кроме того осуществляется анализ интерпретационных и коммуникативных стратегий ведущих представителей критики рубежа XX-XXI веков как форм проявления типологического и индивидуального в осмыслении социокультурных явлений и поисках самоидентичности.

Построение типологии литературной критики рубежа XX–XXI веков потребовало привлечения всего множества критических текстов, опубликованных в период с 1992 по 2002 год. Основным материалом исследования стала идеологически и эстетически многообразная литературная критика «толстых» журналов («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия»). Выбор в качестве материала «толстожурнальной» критики обусловлен тем, что она представляет такую форму бытования литературной критики, которая наиболее остро почувствовала системный и в том числе литературный, кризис конца XX века, и в этом смысле наиболее явно демонстрирует процесс поиска новой идентичности.

Выбор журналов обусловлен необходимостью привлечения в качестве материала идеологически разнонаправленных критических суждений, исследования качественного изменения оппозиции либеральной и патриотической критики на рубеже веков. Исключение из сферы анализа критики, публикуемой в журналах «Вопросы литературы», «Новое литературное обо-

зрение», «Критическая масса» и т.п., объясняется литературоведческой направленностью этих журналов, в то время как нашей целью является осмысление феномена литературной критики «толстого» журнала конца XX века: его идеологической основы, познавательных установок, определяющих стратегий функционирования, специфики освоения литературного пространства.

В главе «Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации» исследуется метакритический и теоретико-критический дискурс. Выявление инвариантных познавательных установок метакритики позволяет выявить причины эпистемологического тупика, в котором оказалась теория критики в 1980-е годы, и поставить проблему его преодоления. Во второй главе «Герменевтико-онтологическая интерпретация литературно-критической деятельности» дается обоснование возможности использования герменевтико-онтологической методологии для осмысления феномена современной литературной критики и ее соответствия современной критической практике. В границах терминологического и понятийного поля герменевтической онтологии выявляется и описывается структура литературно-критической деятельности, предлагается иное содержательное наполнение категории метода литературной критики, вводятся новые классификационные критерии для типологии литературной критики. Акцентирование момента «вопрошания», интерпретации как феномена (само)понимания позволяет по-новому осмыслить суть критической деятельности, представить ее как сложноструктурированное целое, компоненты которого динамичны, обусловлены доминирующей целеустановкой, изначальной ориентированностью текста на Другого (над уровнем истолкования текста и его оценки надстраивается уровень гносеологической и коммуникативной установок, которые обуславливают программу интерпретации. Первая во многом определяется социокультурной ситуацией, в которой функционирует критик как «вопрошающий». Вторая является важным структурообразующим фактором, именно вокруг реципиента формируется вся коммуникативная модель литературно-критической деятельности), что дает основание переосмыслить традиционно позитивистски рассматриваемую категорию «метод литературно-критической деятельности» и позволяет выработать такую модель метода, которая охватывает все компоненты структуры критической деятельности.

В третьей главе «Литературная критика «толстых» журналов рубежа XX – XXI веков: обстоятельства функционирования» описаны такие обстоятельства функционирования литературной критики, которые входят в область коммуникативного контекста и определяют предструктуру критической деятельности.

Динамике внутренних механизмов порождения литературно-критической практики 1990-х – начала 2000-х годов посвящены четвертая и пятая главы. В четвертой главе «Литературная критика «либеральных» журналов: объектное поле, интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры» изучается динамика внутренних механизмов порождения литературно-критической практики либеральных «толстых» журналов 1990-х – начала 2000-х годов. Ее структура отражает главные составляющие объектного поля критики: сама критика и разные аспекты ее функционирования, общественное сознание в ситуации ценностного слома, литературная практика. В исследовании критики «либеральных» журналов выделяются несколько моментов: 1) смена статуса, потеря читателя в их влиянии на процесс самоидентификации критики в 1990-е годы и используемые ею стратегии самоутверждения; 2) онтологическое объяснение выбора критикой фрагментов литературной практики; 3) семантическая характеристика «вопроса», который задает критик как «вопрошающий», обращаясь к литературному бытию и бытию, отраженному в литературе (как характеризует этот «вопрос» саму критику, какой «ответ» вычитывает критика в литературной практике и какой «ответ» предлагает сама, можно ли говорить о конфликте интерпретаций). На основании анализа «ответов» и «вопросов» выделяются инвариантные познавательные установки, которые являются усло-

вием появления того множества критических суждений, которое и составляет реальное разнообразие критики рубежа XXXXI веков.

Пятая глава «Стратегии и тактики присвоения литературного поля критикой “Нашего современника” и “Молодой гвардии”» посвящена исследованию литературной критики «патриотических» журналов. Акцент сделан на изучении интерпретационных стратегий и риторики «патриотической» критики. Непримируемость в борьбе с ложными ценностями, активное использование лексики со значением борьбы, войны и моделирование ситуаций боя, значимость концептов «героическое», «свой», «чужой», отсутствие гибкости в критериях оценки литературного явления определили поиск гносеологического инварианта на уровне используемых стратегий и тактик «захвата» литературного/идеологического поля.

В шестой главе «Персональные коммуникативные и интерпретационные стратегии в критике “толстых” журналов рубежа XXXXI веков» анализируются интерпретационные и коммуникативные стратегии ведущих критиков (Н. Ивановой, В. Бондаренко, М. Липовецкого, В. Курицына, Д. Быкова) в соотнесении с выявленными в предыдущих главах типологическими особенностями и динамикой литературной критики рубежа веков.

Автор выражает искреннюю признательность коллективу кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета, а также И. В. Силантьеву, В. Н. Крылову, К. В. Анисимову за интерес, проявленный к исследованию, и высказанные замечания, благодарит Л. П. Быкова, С. С. Имихелову, А. П. Казаркина, И. В. Кондакова, А. И. Куляпина, В. В. Мароши, И. И. Плеханову, М. А. Хатямову, А. А. Шунейко, чьи отзывы, вопросы были учтены в работе над книгой.

Выражаю глубокую благодарность своему учителю и научному редактору В. А. Суханову. Автор надеется на отзывы, вопросы, замечания, комментарии (yuliya_govoruhina@list.ru).

Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации

Время зарождения и активного развития отечественной теории критики приходится на 1970 – 1980-е годы⁷. На ее формирование повлияли два фактора. Первый – установки познания, которые генетически восходили к самоосмыслению русской критики XIX века, второй – теоретико-методологическая система литературоведения этого периода. К концу 1980-х годов сложившаяся парадигма осмысления литературной критики вступает в противоречие как с новыми реалиями литературной ситуации, так и с текущей литературно-критической практикой и характером ее саморефлексии. Причины эпистемологического кризиса, в котором оказалась теория, а также продуктивные, но не востребованные пути осмысления критики обнаруживаются в истории метакритики XIX – XX веков. Эта история может быть представлена в виде смены когнитивных рамок и «слепых зон»⁸. Генезису и становлению отечественной теории критики посвящена наша работа «Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию» (2009)⁹. В данной главе изложены ее главные смысловые моменты.

В критике XIX – начала XX веков обнаруживаются познавательные установки, которые стали актуальными в теории критики 1970 – 1980-х годов и современной метакритике и предопределили «конфликт интерпретаций». Общие (инвариантные) установки мышления, которые проявились во множестве метакритических¹⁰ суждений, вычлениются нами в процессе «археологического» (М. Фуко) анализа метакритики ведущих представителей «реальной» и «эстетической» критики. В. С. Библер формулировал сходную задачу так: «Увидеть формализм содержания (увидеть содержание как форму мышления, как форму деятельности субъекта)»¹¹.

Представители «реальной» критики понимают литературно-критическую деятельность как определенную систему, выделяя такие ее компоненты, как реальная действительность, художественный текст, автор, критик, читатель. В то же время анализ этих компонентов в разной степени входит в познавательные установки критиков. Так, «автор» оказывается «слепой зоной», он либо редуцируется, либо не отделяется от компонента «художественное произведение». В метакритике «реалистов» осознанно редуцируется до нулевого значения компонент «пред-мнения». Доминирующим же компонентом, на который направлена рефлексия В. Г. Белинского (поздний период), Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, является «жизнь» и ее художественное преображение. Выделение этого компонента обусловлено установкой на анализ общества через призму художественной литературы.

Интерпретационные усилия «реальных» критиков ограничены сегментом «критик – художественное произведение – внетекстовая реальность («жизнь»), воплощенная в нем». Такая гносеологическая позиция направляет критическую рефлексия на процесс познания и оценки художественного текста, а через него – социальной жизни. Такой ракурс критиче-

⁷ Формальным основанием для выделения теории критики в литературоведческой области явилось Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972), в числе прочего утверждавшего необходимость теоретического укрепления литературной критики, ее освоения на базе ленинских принципов. Фактически же теоретическое осмысление критики берет начало с метакритических опытов критиков XVIII – начала XIX веков – Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского.

⁸ Под «слепой зоной» понимаются те аспекты феномена литературно-критической деятельности, которые игнорируются в метакритике данного периода/автора в результате тех или иных гносеологических установок (см.: Де Ман П. Слепота и прозрение. СПб., 2002).

⁹ Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. – Томск, 2009.

¹⁰ Понятие «метакритика» употребляется нами в значении «суждение о критике». Такое широкое толкование позволяет включить в поле метакритики и научный дискурс, посвященный критике, и саморефлексию литературной критики.

¹¹ Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975. С. 141.

ского исследования (изучать произведение в контексте тех общественно-исторических явлений, которые «вызвали» его) утверждается как единственно правильный. Это, в свою очередь, определяет иерархичность критического мышления, которая проявляется в характере осмысления процесса критической деятельности. Субъективные, личностные начала критика должны быть подчинены бесстрастному осмыслению текста и жизни, а экстатическое увлечение текстом должно быть замещено его спокойным и строгим пониманием. «Реалисты» четко определяют цель критики, категоричны в утверждении единственного ракурса интерпретации художественного явления, в определении этапов критической деятельности, что проявляется во множестве императивов. Императивность может быть рассмотрена как еще одна установка мышления.

Другая установка познания, которая определяет и характер разворачивания критической мысли, и тип аргументации, – преодоление дихотомии явлений реальности и культуры и формирование такого суждения, которое претендует на статус истинного.

Отношения «критика – теория/наука» осмысливаются в дискурсе реальной критики как тесно связанные. В гносеологически сильной позиции в «реальной» критике находится критик, который не вполне доверяет познавательной способности писателя и больше полагается на свою компетенцию.

Еще одной чертой критики критиков-«реалистов» является прагматическая презентационность. Реальная критика в большинстве своем декларативна. Авторы активно используют эмоциональную, прагматическую аргументацию: иронию в адрес «иной методы», показ негативных последствий ее применения, упрощение, схематизацию концепции оппонентов, апелляцию к читательскому и повседневному опыту реципиента.

«Эстетическая» критика, как и «реальная», исходит из понимания литературно-критической деятельности как определенной системы, выделяет в ней те же компоненты (реальная действительность, художественный текст, автор, критик, читатель), но с другими доминантными центрами и «слепыми зонами». Теперь «автор», сфера его пред-понимания и коммуникативный контекст выделяются в качестве важнейших компонентов интерпретации. Читатель оказывается в позиции жизненно важного адресата критической деятельности и выступает в роли индикатора истинности суждений критика. «Слепой зоной» становится социальная действительность и ее отражение в художественном произведении. Главные гносеологические усилия «эстетической» метакритики направлены на осмысление сегментов «критик – художественное произведение» и «автор – художественное произведение».

Антиномичность и императивность также являются свойствами критического мышления «эстетиков». Так, концепция критической деятельности мыслится «эстетиками» как подготовленная всем ходом истории критики и литературы, а потому единственно верная, универсальная, позволяющая охватить разнородные и разнокачественные произведения.

Подобно «реалистам», критики эстетического направления выделяют доминантную идеологическую категорию, которую кладут в основание познавательных установок, интерпретаций, делают критерием оценки – категорию художественности.

Итак, несмотря на принципиальные различия между «реальной» и «эстетической» критикой, в гносеологических посылах обоих течений обнаруживаются сходные установки, которые послужили условием возникновения всего множества критических суждений:

в зависимости от доминантной категории (действительность, художественность) познавательные усилия фокусируются на отдельных сегментах, компонентах структуры критической деятельности, второстепенные же редуцируются;

самопознание разворачивается преимущественно по принципу антиномии, иерархичности;

познавательная установка на единственность, универсальность утверждаемой концепции (категоричность);

специфика критики осмысливается в соотнесении или противопоставлении с теорией/наукой.

Таким образом, литературно-критический дискурс второй половины XIX века во многом определяет своеобразная когнитивная рамка, предопределяющая возможные варианты самообоснования критики. Эта рамка включает ряд оппозиций: старое – новое, действительность – художественность, логика – интуиция, форма – содержание. Гносеологически важной, на наш взгляд, является и сама ситуация диалога, конфликта интерпретаций, в которой осуществляется процесс самопознания: два критических течения развиваются в отталкивании от идей оппонентов, что также задает границы возможных путей самопознания.

Позитивистская мысль в этот период предполагает в качестве основного понятия категорию «истины», которая воспринимается как изначально наличествующая и в аспекте способов ее достижения. Отсюда стратегии самоутверждения в рамках тех или иных литературно-критических течений будут заключаться в утверждении декларируемого подхода к познанию художественного явления как истинностного (или ведущего к истине). А это, в свою очередь, предполагает последовательное выдвижение в качестве доминантного того или иного ориентира (автора и его интенции, текста, собственного Я).

Главным условием возникновения множества дискурсивных формаций в XIX веке является «вопрос»¹², некий рефлексивный заряд – «что есть литература?». Ответ на него, в конечном счете, определяет направления самопознания в критике XIX века.

Выявленные текстопорождающие установки, лежащие в области гносеологии литературной критики XIX века, окажутся жизнеспособными, будут определять теоретическую мысль XX века.

Символистская метакритика в контексте данной работы представляет интерес как опыт непозитивистского взгляда на сущность критической деятельности, а следовательно, как возможный исток генезиса литературной критики рубежа XX–XXI веков. Связанная с эстетической, органической, реальной критикой¹³, модернистская метакритика явилась следствием кризиса старой позитивистской критической парадигмы, трансформации реализма, влияния западных философско-эстетических концепций, смены методологической парадигмы гуманитарных наук, увлечения мистикой.

Не имея большой читательской аудитории, развиваясь как элитарное (салонное) эстетическое явление, символистская критика, тем не менее, породила уникальную гносеологическую систему, позволявшую не только осваивать нереалистические тексты, но и осмысливать акт интерпретации как самопонимание и творчество одновременно.

Метакритика рубежа XIX–XX веков дает возможность реконструировать обновленную дискурсивную модель критической деятельности, в основе которой лежат принципиально антипозитивистские познавательные установки.

«Слепой зоной» для символистской критики и метакритики становится социальная действительность, которая в качестве доминирующего компонента интерпретационной деятельности ассоциировалась прежде всего с публицистической критикой.

«Активными» зонами становятся Автор и Критик, образуя своего рода напряжение в процессе интерпретации, предполагающем и постижение личности писателя, и обращение к собственному «Я». Качество зон свидетельствует об антропоцентричности, субъектности и субъективности символистской критики (в отличие от близкого ей эстетического направления), отражающихся во всех сегментах ее модели критической деятельности.

¹² Здесь мы ориентируемся на онтологическую герменевтику, в соответствии с которой именно структура «вопроса» мыслится как коррелятивная структуре предмета, а критик предстает как воплощение «вопрошающего» субъекта.

¹³ Связь символистской критики с названными направлениями, закономерность возникновения новой критики доказывает В.Н. Крылов (см.: Крылов В.Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань, 2005. С. 100 – 110).

Автор в рассматриваемой модели занимает значимое место, оказываясь в большинстве случаев главным объектом интерпретации и смещая в этой позиции собственно художественный текст. Это обусловлено символистской концепцией творчества, максимально приближенного к истине, и художника, который мыслится как мессия.

Художественное творчество сакрализуется, мистифицируется символистами. Его тайны становятся важнее, чем сам текст, а способы постижения этой тайны образуют критический метод. Критик в символистской модели критической деятельности одновременно занимает положение творца и познающего тайны художественного творчества.

Для символистской критики типична установка на уход от статуса критика как априорно авторитетной инстанции, которую предполагала старая позитивистская модель. В то же время не менее актуальной является установка на восприятие критики как дела элитарного. Другая установка, лежащая в основе символистского критического дискурса, проявляется в факте заимствования и освоения концепции «критика как художника» О. Уайльда¹⁴.

Метакритика рубежа веков формирует, таким образом, представление о самоидентификации критика-символиста, в которой заложена одновременно установка познания: это критик, деятельность которого соприродна художественной, что дает ему возможность творить самому и проникать в тайны литературного творчества Другого.

Осмысление в метакритике связи Критик – Художественный текст – Автор обнаруживает систему установок символистской критики, определяющих процесс интерпретации.

Первая гносеологическая установка – установка на соприродность критической и художественной деятельности. Она размывает позитивистское представление об интерпретации как объективном познании и ориентирует критика на приобщение к тайнам литературного творчества.

Следующую познавательную установку символистской критики обнаруживает В. Н. Крылов, утверждая, что «вопрос о способах реконструкции мирозерцания поэта – важнейший для символистской критики»¹⁵. В этой формулировке одновременно заявлен доминирующий объект внимания критики (мирозерцание поэта) и ее главная задача и стратегия (поиск способов реконструкции). Данная установка в области своей реализации непосредственно связана с первой, поскольку критик-символист осознанно выбирает путь приобщения к художественному акту как способ со-пережить и таким образом приблизиться и реконструировать мирозерцание художника.

Установка на «вживание» формируется как познавательная альтернатива позитивистской парадигме. Метакритика символистов позволяет реконструировать понимание ими отношений означаемого и означающего. Критики-символисты осмысливают феномен неполного соответствия восприятия и авторской интенции.

Сближение с художественной деятельностью как установка познания сопрягается в критике символистов с установкой на сотворение образа художника.

Значимое отсутствие установки на поиск детерминант творчества – следующая гносеологическая установка символистской критики.

Предыдущие познавательные принципы порождают следующий ориентир – значимое отсутствие установки на имманентный анализ художественного текста. Текст выполняет в символистской критике подчинительную роль. Он является материалом в познании души автора, источником уникальных впечатлений критика-читателя, зависит от теоретической установки критика в теоретических статьях.

Установка на множественность интерпретаций является одной из принципиальных для символистской критики. Противопоставляя научной критике критику «психологическую,

¹⁴ Уайльд О. Критик как художник // Уайльд О. Собр. соч. в 3 т. М., 2000. С. 143 – 144.

¹⁵ Крылов В. Н. Русская символистская критика... С. 51.

субъективно-художественную, то есть неисчерпаемую»¹⁶, метакритика рубежа веков предвосхищает открытия «рецептивной эстетики», объясняя феномен «вычитывания» своих смыслов, переосмысления произведений прошлого новыми поколениями. В основе данной установки лежит представление о тексте (художественном и критическом) как незавершенном высказывании.

На наш взгляд, в системе выявленных установок символистской критики присутствует взгляд на процесс интерпретации как акт самопонимания. Понятие «субъективной» критики в этом смысле означает не только следование своему внутреннему ощущению в интерпретации, но и появление второго объекта познания – собственного «Я».

Материал символистской критики и метакритики дает возможность реконструировать, помимо гносеологических, коммуникативные установки. Критик-символист осознанно занимает позицию обычного читателя. В такой идентификации проявляется, с одной стороны, скептическое отношение символистов к научной профессиональной критике, с другой – опора в интерпретации на непосредственные эмоции, схожие с эмоциями потенциального множества читателей.

Описанная дискурсная динамика, проявившаяся в смене познавательных установок и структурных изменениях, отражает процесс дистанцирования и, наоборот, сокращения дистанции между критикой и литературным текстом, свободы/зависимости интерпретации от художественного текста. В этой динамике обнаруживается своя закономерность. Так, традиция «реальной» критики с ее вниманием к социальным проблемам становится особенно востребованной в периоды, когда возникает актуальная потребность осознать изменяющиеся исторические обстоятельства как обстоятельства существования путем вертикальной перспективны (посредством оппозиций «правда – ложь», «добро – зло», (не)гуманно и т.д.). Аналитическая критика, внимательная к тексту (традиция «эстетической» критики) и ориентированная на опыт автора, проявляется в более стабильное в социальном плане время, когда сетка «вертикали» обнаруживает свою исчерпанность и недостаточность для понимания литературного явления. Я-ориентированная критика возникает в периоды, сопряженные с мировоззренческой, экзистенциальной растерянностью, сомнением в адекватности позитивистских, научных познавательных парадигм новейшей литературной практике, стремлением соотнести свой опыт мироощущения с авторским.

Модель критической деятельности, реконструируемая в символистском критическом дискурсе, отражает уникальный опыт порождения стратегии интерпретации и текстопорождения, появившийся в результате переосмысления старой позитивистски ориентированной модели. Прерванная в советский период, эта традиция (в ряде ее проявлений) становится востребованной метакритикой 1990 – 2000-х годов, когда антипозитивистские познавательные установки накладываются на обновленную герменевтическую парадигму. Такое гносеологическое сближение является еще одним основанием для проведения параллели между двумя периодами рубежа веков, предпринимаемого историками, культурологами, литературоведами¹⁷. Для обоих переходных этапов характерно ослабление тенденции литературоцентризма (на рубеже XIX – XX веков она проявляется в спаде интереса к литературе «направлений» при увеличении числа иллюстрированных еженедельников и газет и расцвете газетной критики, на рубеже XX – XXI веков – в резком падении тиража «толстых» журналов при распространении массовой культуры), повышение роли рынка в оценке того или иного события как ценного,

¹⁶ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 353.

¹⁷ Обнаруживаются примеры реставрации мировоззренческих систем прошлого (неогегельянство, неомарксизм, неофрейдизм, неопозитивизм, неокантианство и т.д.). В литературе проявление модернистских тенденций критики фиксируют Е. Иванникова в статье «Постмодернизм = модернизм?» (Знамя. 1994. № 9), В. Новиков в статье «Заскок» (Знамя. 1995. № 10), М. Липовецкий в статье «Конец века лирики» (Знамя. 1996. № 10).

тенденция смены статуса писателя – от пророка и учителя к «поставщику забавных текстов»¹⁸, констатация кризиса критики, ощущение исчерпанности прошлого эстетического опыта, критика позитивизма, противостояние критики «старой» и «новой», попытки осмысления онтологического статуса искусства и роли творческой личности¹⁹.

Сходство эпох позволяет привлечь опыт самоосмысления символистской критики в исследовании критики и метакритики рубежа XX – XXI веков.

Анализ истории гносеологических парадигм отечественной метакритики и теории критики показывает, что эпистемологическая парадигма отечественной теории критики – это, по сути, парадигма классической (познавательной) герменевтики. Реализуя позитивистскую методологию, она предполагает осмысление искусства с точки зрения его обусловленности какими-то лежащими за его пределами причинами. Критика обращается к литературному произведению как к смыслодержательной, а не смыслопорождающей системе.

В 1990-е годы литературная критика начинает «сопротивляться» описывающей ее теории. Об этом свидетельствуют попытки критиков определить такие проблемные вопросы сущности литературно-критической деятельности и значимые категории философского плана, осмысление которых требует обновленной теоретико-методологической основы. Сами эти вопросы онтологического и экзистенциального плана формулирует А. Немзер: «Как мы подошли к дню сегодняшнему? Куда мы хотим из него вырваться? Как вписываем его в большой исторический и/или экзистенциальный контекст? Что этот день позволяет увидеть в нас? Все эти вопросы явно преваляют над другим, без которого человек не может обойтись никогда, а тем паче во времена исторической ломки: как мы живем?»²⁰ Таким образом, критики осознанно перемещают ракурс анализа в направлении от произведения к интерпретатору, задавая принципиально новые координаты изучения критической деятельности. Художественное произведение в 1990-е годы воспринимается как средство самопознания, познания автора (но не столько авторской интенции, воплощенной в художественном тексте, сколько автора как «вопрошающего»). Показательно в этом смысле высказывание М. Липовецкого. Обращаясь к поэзии конца века, критик видит ее типологическую черту в следующем: «Кроме того, как мы уже видели вопрос: кто я? – или, иначе, поиск личной автоидентичности – чуть ли не самый главный вопрос поэзии конца века»²¹.

«Сопротивляясь» классической традиции понимания теоретико-критического дискурса и функционируя в ситуации кризиса, современная литературная критика вводит в качестве значимых бытийные категории, которые начинают определять в 1990-е годы интерпретационные стратегии²² и задают область «вычитываемого» актуального смысла.

Наиболее адекватной основой теоретического метаописания литературно-критической практики рубежа XX–XXI веков, на наш взгляд, является герменевтико-онтологическая философская и методологическая парадигма. Ее применение – закономерный этап развития теоретико-критического дискурса. История развития отечественной теории критики может быть

¹⁸ Рейтблат А. И. Роман литературного краха // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 106.

¹⁹ Факты сближения литературно-критической ситуации рубежа XIX – XX и XX – XXI веков рассматриваются нами в статье «Литературная критика рубежа XX – XXI веков: проблема переходности» (см.: Говорухина Ю. А. Литературная критика рубежа XX – XXI веков: проблема переходности // Смысловое пространство текста. Литературоведческие исследования. Вып. VII: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 2007 г. Петропавловск-Камчатский, 2007).

²⁰ Немзер А. В каком году – рассчитывай... Заметки к вечному сюжету «Литература и современность»: [Электронный ресурс] // Знамя. 1998. № 5. URL: <http://magazines.russ/znamia/1998/5/nemzer.html> (дата обращения: 11.02.2010).

²¹ Липовецкий М. Конец века лирики // Знамя. 1996. № 10. С. 213.

²² Е. Ермолин в статье «Критик в Сети» называет эти бытийные категории, ставшие значимыми для С. Костырко уже в 1990-е годы: «Современный писатель [по мнению С. Костырко – Ю. Г.] освободился от гнета социальности и может напрямик торить тропу в бытийное. То есть мыслить в категориях не социальных, а экзистенциальных. Каждый из нынешних писателей остается один на один с бытийной проблематикой – Любовь, Страх, Смерть, Время. Неустанно критик ищет этот выход писателя в сферу универсалий, идет ли речь о Дмитриеве, Бутове, Маканине или Каштанове» (см.: Ермолин Е. Критик в Сети: [Электронный ресурс] // Знамя. 2003. № 3. URL: <http://magazines.russ/znamia/2003/3/erm.html> (дата обращения: 13.03.2008)).

представлена как постепенная смена гносеологических установок: от крайне позитивистских к приближающимся к неклассической герменевтике. Осмысление и систематизация исследовательской литературы, посвященной изучению категории метода литературной критики, позволили выделить в истории изучения вопроса несколько периодов как отражение эволюции научных представлений. Каждый из периодов можно представить как особую дискурсивную формацию в пределах единого критического дискурса и выделить систему гносеологических инвариантов, определяющих парадигму осмысления критики в каждый из периодов.

Первый (вторая половина 1970-х – начало 1980-х годов) характеризуется преимущественным отождествлением в методологическом плане литературной критики и научного познания. Эта познавательная установка является доминирующей в данной дискурсивной практике²³, поскольку обуславливает осмысление самой природы критики, категории метода, соотношения объективного и субъективного в процессе критической деятельности.

Неслучайно в связи с разработкой проблемы критики как научного познания актуальной становится категория истины. В рассматриваемый период вопрос об истинности критического суждения решается однозначно. Типично в этом смысле высказывание Т.С. Щукиной: «Система обоснования критического суждения [исследовательница отождествляет его с научно-теоретическим – Ю. Г.], поиски критиком доказательств его истинности строятся на научном анализе эстетического объекта»²⁴. Закономерно, что именно в это время теория критики особенно активно исследует сущность критического мышления²⁵.

Следующая дискурсивная формация в теории критики оформляется со второй половины 1980-х по 1990-е годы. Синтетизм критики в этот период мыслится как аксиома и как условие в подходе к изучению метода. В. П. Муромский оформляет синтетизм критики в виде триады: научность, публицистичность, художественность, отмечая, что «в сфере практической деятельности критики любое из этих взаимопроникающих качеств может выступать как доминирующее»²⁶. Концепции синтетизма критики придерживается и Г. А. Золотухин, который выстраивает аналогичную триаду: логико-понятийное начало, образно-эмоциональное, публицистическое²⁷ и рассматривает критику как «деятельность-познание», которая неотделима от системы словесного творчества и в то же время является составной частью литературоведения, а следовательно, его метод не сводим ни к художественному, ни к научному. А. П. Казаркин в публицистичности критики видит источник ее синтетизма, она, по мнению исследователя, предполагает совмещение научности и художественности²⁸.

Важную роль в исследовании категории метода литературно-критической деятельности сыграли работы В.С. Брюховецкого. В своей диссертации «Природа, функция и метод литературной критики»²⁹ он рассматривает критику как вид мышления наряду с другими. Ученый сближает понятия «метод» и «функция» критики и приходит к выводу о том, что в структуре метода критической деятельности три основные функции критики (эвристическая, социально-регулятивная, эстетико-аксиологическая) трансформируются в одноименные установки. Работа В.С. Брюховецкого содержит показательное для процесса смены гносеологиче-

²³ В работах Т.С. Щукиной «Теоретические проблемы художественной критики», Б.Г. Лукьянова «Методологические проблемы художественной критики», Ю.Б. Борева «Искусство интерпретации и оценки» критически метод осмысливается как научный. Б.Г. Лукьянов важнейшей для теории критики называет проблему обоснования научной методологии художественной критики.

²⁴ Щукина Т. С. Теоретические проблемы художественной критики. С. 85.

²⁵ В работах Т. С. Щукиной «Теоретические проблемы художественной критики», «О сущности критического суждения», Ю. Б. Борева «Искусство интерпретации и оценки», М. С. Кагана «Человеческая деятельность», «Художественная критика и научное изучение искусства», Б. Г. Лукьянова «Методологические проблемы литературной критики» и др.

²⁶ Муромский В. П. Русская советская литературная критика: Вопросы истории, теории, методологии. Л., 1985. С. 67.

²⁷ Золотухин Г. А. Литературно-критическая деятельность: диалектика объективного и субъективного. Киев, 1992. С. 35.

²⁸ Казаркин А. П. Литературно-критические оценки / под ред. А. Киселева. Томск, 1987. С.79.

²⁹ Брюховецкий В. С. Природа, функция и метод литературной критики: дис. ... д-ра филол. наук. М.; Киев, 1986.

ской установки утверждение необходимости изучать критику на присущей ей основе, а не в сопоставлении с другими видами деятельности³⁰. Однако в теории критики сохраняется инерция прежнего движения – стремление выявить специфику метода в сопоставлении/противопоставлении. Это связано с тем, что дискуссия о природе критики ко второй половине 1980-х годов не привела к выработке удовлетворяющей всех концепции, по-прежнему обосновывается нетождественность критики и науки (М. С. Каган, В. С. Брюховецкий, А. Г. Бочаров и др.).

Принципиально новым поворотом в осмыслении критики стала попытка уйти от представления о критической деятельности как преимущественно познавательной. Так, В. Е. Хализев высказывает утверждение, что интерпретация – «не столько обретение знания, сколько перевод ранее имевшихся “смыслов” (научных, мировоззренческих, художественных) на иной», более абстрактный язык³¹. Л. В. Чернец пишет не о научной, а идеологической ориентации критической деятельности³².

Переосмысливается принцип подчиненности/соподчиненности в структуре критической деятельности. Познание литературы, по мнению В. В. Кожина, не цель критики, а средство ее практического участия в бытии литературы³³. В. С. Брюховецкий утверждает, что в критике элементы теоретико-научного и художественно мышления находятся в подчинении у коммуникативно-прагматического мышления³⁴, что цель критической деятельности не преимущественно познавательная, а социально-преобразующая – создание вокруг произведения информационного эстетико-аксиологического поля³⁵.

Как следствие названной выше установки в теории критики 1980 – 1990-х годов – уход от признания в качестве доминирующей в критическом методе научной составляющей.

Гносеологически принципиальным становится смещение исследовательского взгляда в теории критики 1980 – 1990-х годов в область реципиента. Только в этот период начинается теоретическое осмысление критической деятельности как коммуникативного акта. В результате, ее структура предстает в целостном, а не редуцированном виде. Теория критики начинает движение в направлении, намеченном рядом исследователей (М. С. Каганом, В. В. Кожинным, А. М. Штейнгольдом) в 1970-е годы. Так, по мысли М. С. Кагана, обращение критической оценки вовне, к художнику или к другому воспринимающему является определяющим признаком критики³⁶. В. В. Кожин главной целью критики считает не познание, а активное воздействие на предмет³⁷. А. Штейнгольд определяет специфику критических суждений в том, что анализ и оценка художественных произведений в критике совершается в процессе диалога с читателем и не существует независимо от него. Апелляция к читателю, по мнению ученого, – момент обязательный, смысло- и сюжетобразующий³⁸. Последнее замечание поддерживает и Л. В. Чернец, утверждая, что художественный текст должен анализироваться критикой под углом его читательской направленности, воздействия³⁹.

В конце 1980-х – 1990-е годы когнитивная рамка, ограничивающая поле возможных направлений исследования критики, размывается, теория постепенно уходит от принципиаль-

³⁰ Сравним с высказыванием Г. А. Золотухина: «Жизнь – литература – критика. Привычная подчинительная связь. Ну, а если все-таки сочинительная, равноправная?» (см.: Золотухин Г. А. Литературно-критическая деятельность: диалектика субъективного и объективного. С. 17).

³¹ Хализев В. Е. Интерпретация и литературная критика // Проблемы теории литературной критики / под ред. П. Николаева, Л. Чернец, М., 1980. С. 50.

³² Чернец Л. В. «Как наше слово отзовется...» С. 24.

³³ Кожин В. В. Критика как компонент литературы. С. 162.

³⁴ Брюховецкий В. С. Природа, функция и метод литературной критики. С. 22.

³⁵ Брюховецкий В. С. Природа, функция и метод литературной критики. С. 10.

³⁶ Каган М. С. Художественная критика и научное изучение искусства. С. 321.

³⁷ Кожин В. В. Критика как компонент литературы. С. 164.

³⁸ Штейнгольд А. М. Диалогическая природа литературной критики // Русская литература. 1988. № 1. С. 61.

³⁹ Чернец Л. В. «Как наше слово отзовется...» С. 65.

ной установки на вычленение иерархий и полярности и выходит к рассмотрению критической деятельности как коммуникативного акта. Столь перспективная качественная трансформация критического дискурса, однако, недостаточно поддерживается количественно: число работ, полностью вписывающихся в описанный контекст, невелико. Обновленный критический дискурс только формируется в теории критики, однако его развитие в 1990-е годы было приостановлено. На наш взгляд, причиной этого стали факторы социокультурного характера: кризис литературы и критики, которым отмечен период второй половины 1990-х годов, обусловил отток читательской публики от современной литературы и критики. Качественные изменения происходят и в самой критике (элементы эссеизма, использование рекламных стратегий, редуцирование аналитического компонента), их становится трудно, а то и невозможно объяснить, опираясь на существующие в теории критики концепции критики и ее метода. Исследовательский интерес в 1990-е годы смещается к новым объектам (изучение постмодернизма). Дает о себе знать и общая тенденция демонстративного ухода от тех явлений литературной и общественной жизни, которые были отмечены ангажированностью (критика в этом смысле ассоциировалась с управляемой составляющей литературного процесса).

Сопоставление критических дискурсивных формаций XIX века и 1970 – 1990-х годов выявляет имманентную причину снижения динамики развития теории критики, кроющуюся в самих механизмах осмысления феномена критики, в познавательных посылах. Обновление мыслительных установок в теории критики происходило слишком медленно. И даже в период 1980 – 1990-х годов, характеризуемый нами как качественно новый и перспективный, инерционно продолжают действовать традиционные познавательные принципы. Метакритика «толстых» журналов, наиболее адекватно отражающая особенности новейшей литературно-критической практики и актуализирующая антипозитивистский опыт критики рубежа XIX–XX веков, собственно литературно-критическая практика рубежа XX–XXI веков требуют поиска иных методологических оснований теории критики. На наш взгляд, возможным основанием является парадигма онтологической герменевтики.

Герменевтико-онтологические основания позволяют определить литературную критику как сложный процесс (само)интерпретации, в котором совмещаются два акта понимания – первичное (мгновенное прозрение истины бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, словесное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание). На первом этапе критик выступает как некий субъект, как *Dasein*, для которого художественное произведение (литературное явление) – часть «сущего», то материальное, что до интерпретации не отмечено бытийственностью, но открыто для интерпретаций. В процессе интерпретации оно онтологизируется, открывается. Критик, как и любой читатель, «работает» с результатом подобной же интерпретаторской деятельности, совершенной Другим (автором), но направленной на внетекстовое бытие. Таким образом, критик интерпретирует одновременно не только уже интерпретированное и воплощенное бытие, но и само бытие, обращаясь к нему через текст, сопоставляя писательскую интерпретацию с действительностью. Р. Барт в этой связи говорит о необходимости для критика учитывать «два рода отношений – отношение языка критика к языку изучаемого автора и отношение этого языка-объекта к миру»⁴⁰; «Книга – это своего рода мир. Перед лицом книги критик находится в той же речевой ситуации, что и писатель – перед лицом мира»⁴¹. В сознании критика сталкиваются две интерпретации бытия, что может обусловить факт их конфликта. Таким образом, критик в своей деятельности, по сути, одновременно осуществляет два акта: интерпретирует мир художественного текста и то бытие, которое послужило его источником. Это утверждение косвенно подтверждается концепцией Л. Витгенштейна, согласно которой познание сущ-

⁴⁰ Барт Р. Что такое критика? С. 272.

⁴¹ Барт Р. Критика и истина. С. 365.

ности описания есть познание сущности описанного (мира)⁴². Художественное произведение как воплощенный вариант понимания бытия, найденный смысл, не будучи воспринятым, оказывается частью неактуализированного в сознании бытия («сущим»). Литературная критика длит смыслы, обращаясь к читателю и преодолевая неизбежное превращение чужого опыта понимания в сущее. По аналогии с высказыванием В. Руднева о том, что любой текст, передавая информацию, тем самым уменьшает количество энтропии в мире⁴³, можно сказать, что критика множит смыслы, преодолевая тем самым энтропию времени.

О втором (рефлексивном) акте понимания пишет Р. Барт, замечая, что критик «встречает на своем пути подозрительного посредника – письмо»⁴⁴; «в результате самого “прикосновения” к тексту – прикосновения не глазами, но письмом – между критикой и чтением разверзается целая пропасть»⁴⁵. Во-вторых, литературный критик как профессиональный читатель обладает не только большим читательским опытом, но и владеет приемами анализа художественного текста, может квалифицированно судить о степени художественного мастерства писателя. В силу этого критическое суждение как суждение вкуса претендует на авторитетность и общезначимость. Прагматическая компонента целеполагания, непосредственно ориентированная на реципиента, изначально направляет деятельность критика. Наконец, литературно-критическое «вопрошание» обуславливает и тот особый «вопрос», который во многом определяется коммуникативной, социокультурной ситуацией, в которой функционирует критика. По мнению М. М. Бахтина, смыслы – это ответы на вопросы⁴⁶. Х.-Г. Гадамер указывает, что «в понимании всегда имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор»⁴⁷, а М. Мерло-Понти считает, что поведение является не реакцией на stimulus, а ответом, которого требует ситуация. В этом случае организм, за поведением которого ведется наблюдение, по мнению философа, «следует наделить способностью осознавать ситуацию в качестве вопроса, на который ему предстоит дать ответ»⁴⁸. Литературный критик, таким образом, изначально находится в ситуации диалога, конструируемого, как минимум, двумя «вопросами» – исходящим от него и от объекта интерпретации.

Онтологически-герменевтическое объяснение феномена критики и ее функции составляет теоретическую основу, на которой строится актуальное для нас понимание литературно-критической деятельности. Критику порождает всеобщая потребность в понимании, или, опираясь на М. Хайдеггера, само-бытие, понимание как сам способ существования. Акцентирование момента «вопрошания» в критической деятельности предполагает рассмотрение критики как ценной и уникальной деятельности, специфика которой не определяется какими-либо иными сферами (наукой, публицистикой, литературой).

Новая исследовательская парадигма позволяет обратиться к плану гносеологии критической деятельности и вычленив интерпретационные стратегии, используемые современными критиками разных «толстых» журналов, построить типологию современной литературной критики на новых основаниях, обращенных к области текстопорождения, выявить и обосновать журнальную оппозицию с позиции не ценностно-идеологической, а гносеологической.

Процесс понимания непредставим без «чужого» сознания, без Другого. Если автор как Другой, его интерпретация бытия, созвучная либо противоречащая видению критика, задействованы в предлагаемом ходе анализа, то читатель как Другой оказывается потерянным. Лите-

⁴² Витгенштейн Л. Несколько заметок о логической форме // Логос: философско-литературный журнал. М., 1994. С. 312.

⁴³ Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000. С. 14.

⁴⁴ Барт Р. Критика и истина. С. 371.

⁴⁵ Там же. С. 373.

⁴⁶ Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. С. 350.

⁴⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 365.

⁴⁸ Merlo-Ponty M. *La structure du comportement*. P., 1960. P. 227, 241.

ратурно-критическая деятельность как вариант убеждающего дискурса предполагает не только значимость образа читателя уже на первом этапе интерпретации, но общую развернутость в область реципиента. Включить реципиента в область нашего исследования оказывается возможным, подключив к герменевтико-онтологической парадигме теорию коммуникации, ту ее часть, которая изучает прагматический аспект коммуникации.

В теории коммуникации сообщение рассматривается как культурно-семиотический феномен, который позволяет описывать множество уровней порождения и передачи смыслов⁴⁹. Вслед за Т. А. ван Дейком, критическое высказывание понимается нами как особый вид социального действия, которое имеет свой и воздействует на «чужой» прагматический контекст (совокупность когнитивных и социальных факторов). Критик работает в рамках ситуационной модели, представленной в сознании читателя рядом фреймов.

Исследование литературно-критической практики на стыке герменевтико-онтологического и коммуникативного подходов позволит увидеть феномен интерпретации одновременно на стыке двух актов – (само)понимания как процесса онтологизации и передачи (продления) направленного онтологизирующего импульса реципиенту.

Комплексный методологический подход позволяет по-новому осмыслить структуру литературно-критической деятельности.

Теория критики периода 1970 – 1980-х годов имеет опыт представления литературно-критической деятельности как структурированного процесса⁵⁰. Обязательными компонентами описанных структур являются автор/произведение – критик – читатель. Срединное положение критика закономерно выводило исследователей к пониманию критики как диалога (с автором и читателем). Однако теория критики осваивает практически исключительно первый сегмент структуры в направлении от критика к литературному явлению. Фигура реципиента мало учитывается либо вообще игнорируется в исследованиях о методе и средствах литературно-критической деятельности, о диалектике субъективного и объективного.

Исторически слово «критика» обладало множеством значений и их оттенков⁵¹. Сегодня из всего множества изначальных семантических вариантов актуальным является «судить» – емкое толкование, включающее в себя два смысловых компонента: истолковывать и оценивать. Они лежат в основе тех традиционных определений литературной критики, которые зафиксированы в словарях и энциклопедиях⁵², однако охватывают только один сегмент теоретически сложившейся модели критики.

⁴⁹ Существенное влияние на формирование такого подхода оказал выдвинутый Л. Витгенштейном тезис о множественности языковых игр. Согласно этому тезису, языковая деятельность в тех или иных ситуациях определяется разными правилами. Взаимодействуя, участники коммуникации пользуются правилами «языковой игры», фоновыми знаниями о мире, оперируют языком для достижения разных целей. Значение высказывания, таким образом, конституируется непосредственно в процессе речевого акта.

⁵⁰ В работах: Баранов В. И., Бочаров А. Г., Суровцев Ю. И. Литературно-художественная критика. М., 1982; Бернштейн Б. М. О месте художественной критики в системе художественной культуры // Советское искусствознание, 76. М., 1976; Боров Ю. Б. Эстетика. М., 1988.

⁵¹ Г. В. Хомелев в работе «Понятие критики и ее формы. Опыт философского исследования теории и методологии» делает вывод о богатой практике использования слова «критика». «Геродот, Гомер используют его в значении “толковать, истолковывать”, Гесиод – в значении “состязаться”, Эсхил – в значении “делать вывод”, Софокл – “расспрашивать”, Платон – “судить, оценивать, выбирать, предпочитать, судить”, Аристотель – “определять, судить”» (см.: Хомелев Г. В. Понятие критики и ее формы. Опыт философского исследования теории и методологии. Л., 1991. С. 8 – 9).

⁵² «Критика – один из видов литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, явлений жизни, в нем отраженных» (см.: Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. Сурков. М., 1967. С. 254); «Критика – пристрастное интуитивно-интеллектуальное прочтение словесно-художественных текстов...» (см.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / сост. А. Николюкин. М., 2001. С. 414); «Критика – часть науки о литературе, задачей которой является оценка литературных произведений с точки зрения современности и применительно к ее интересам на основе как данных теории и истории литературы, так и всего круга общественно-политических, эстетических и этических норм своего времени» (см.: Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. Тимофеев, С. Тураев. М., 1974. С. 168).

Синтез герменевтико-онтологической и коммуникативно-прагматической парадигм исследования позволяет охватить все компоненты деятельности литературного критика, а также создать и описать обновленную модель литературно-критической деятельности.

Бесспорным является положение о том, что литературная критика – это, прежде всего, вид критического суждения, которое, в свою очередь, является видом суждения как такового. Суждение, в отличие от высказывания, всегда модально и носит оценочный характер. Критическое суждение в качестве формы мышления осмысливается в Новое время. Так, И. Кант выделяет критику в самостоятельную форму исследовательской деятельности, однако называет ее не познанием, а только средством выявления внешних условий, предпосылок и возможностей познания, его границ. К идее плодотворности негативной критики в процессе познания приходит марксизм⁵³. Литературно-критическое суждение оказывается таким видом критического суждения, который предполагает в качестве объекта литературу и отраженную в ней действительность.

Критическая деятельность рассматривается нами как особый вид акта понимания и коммуникации, который в снятом виде присутствует уже на первом этапе (интерпретации и оценки). Специфика деятельности критика в ее разнонаправленности, обусловленной промежуточным положением критика между художественным произведением как образно воплощенным художником «ответом» в процессе интерпретации бытия; самим автором как «вопрошающим»; читателем как носителем своих «вопросов» и «ответов»; самим собой вне роли критика, продуцирующим «вопросы». Критическая деятельность – это и прагматический коммуникативный феномен, проявляющийся в некотором типе ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых коммуникатор, руководствуясь конкретными практическими целями, озабочен доведением до сведения адресата определенной информации⁵⁴.

В данном исследовании мы опираемся на идею диалогичности понимания. По мнению В. М. Розина, важным для гуманитарного познания является различие двух его планов: истолкование (интерпретация) текстов и построение ментальных объяснений и их текстовых воплощений⁵⁵. Считаем, что положение о том, что изначальная ориентированность текста на Другого, его коммуникативный характер определяют содержание и структуру как критического текста, так и самой деятельности. В нашу задачу не входит рассмотрение процесса восприятия критического текста читателем, в то же время фигура читателя представлена как важный структурообразующий фактор, вокруг которого формируется коммуникативная модель.

Рассмотрим структуру критической деятельности, особенности которой обусловлены ее интересубъективной природой, и опишем ее основные компоненты. Отправной точкой для нас является классическая триада – модель функционирования литературного произведения как вариант общей схемы коммуникативного акта (адресант-текст-адресат): Автор – Художественное произведение – Читатель, каждый компонент которой структурируется. Так, в структуре компонента Читатель как некоего множества реципиентов традиционно выделяют как минимум две основные группы: профессиональные и непрофессиональные читатели. К числу «профессиональных» относят критика, чья рефлексия по поводу прочитанного/ наблюдаемого в конкретном тексте или в литературном процессе оформляется в критическом тексте, также особым образом структурированном и адресованном своему множеству реципиентов. Обра-

⁵³ Об истории восприятия и функционирования критического суждения в философии см.: Хомелев Г. В. Понятие критики и ее формы. Опыт философского исследования теории и методологии. Л., 1991.

⁵⁴ Здесь в качестве теоретической основы используются исследования, осуществленные в рамках прагмалингвистики, теории коммуникативных актов (ван Дейк Т. А. «Язык. Познание. Коммуникация», Е. Н. Зарецкая «Теория речевой коммуникации (риторический подход)», О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», Г. В. Колшанский «Паралингвистика», А. А. Леонтьев «Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации»), а также работы В. В. Виноградова, Г. Г. Шпета («Мысль и слово»), М. М. Бахтина, П. Рике-ра, Ю. М. Лотмана, А. М. Пятигорского («Семиотика»), в которых рассматривается интересубъективная природа коммуникации/диалога.

⁵⁵ Розин В. М. Природа и особенности гуманитарного познания и науки // Наука глазами гуманитария. М., 2005. С. 52 – 53.

зование новых компонентов (еще одного текста, еще одного множества реципиентов) уже свидетельствует о том, что, выводя из указанной выше триады Критика, мы получим сложную развернутую модель критической деятельности, основанную на intersubъективном взаимодействии. Выделим основные ее сегменты, направления воздействия и взаимодействия.

Первый сегмент структуры (ее активное изучение начинается с включением в область познания категории читателя) может быть описан следующим образом: определенная авторская интенция, ориентированная на читателя, реализуется в художественном произведении. Художественный текст одновременно является и частью бытия, открытого для понимания, и авторским вариантом интерпретации бытия. Включая в себя собственно текст и художественную реальность как необходимые компоненты, художественное произведение функционирует во множестве интерпретаций и восприятий, обусловленном множественностью потенциальных реципиентов. Объект нашего изучения – вариант коммуникативной цепочки, в которой реципиентом является литературный критик. Эстетическое восприятие художественного произведения критиком будет существенно отличаться от восприятия группы непрофессиональных реципиентов. Причина – разница не только в профессиональной подготовленности, опытности критика и зачастую наивно-эмоциональном уровне восприятия массового читателя, но и в различии целеполагания, интенции, направленной в критической деятельности не только на художественное произведение и бытие (интерпретационная деятельность), но и на себя (момент самоинтерпретации), но и на некое «свое» множество реципиентов. В то же время эти восприятия имеют нечто сходное, обусловленное единой природой эстетического переживания и единой ситуацией понимания как способа бытия (М. Хайдеггер). Иными словами, типы восприятия можно условно обозначить как «восприятие-для-себя» (в случае массового читателя) и «восприятие-для-другого-и-для-себя» (в случае критика). Показательным в этом смысле является признание критика А. Марченко: «И “День поэзии-86”, и “День...” следующий я прочитала дважды. Сначала для себя: то с конца, то с середины, перепрыгивая через то, что не приглянулось (не тронуло) по первой же строфе, а то и строчке. Потом, через некоторое время, профессионально-педантично: подряд и медленно»⁵⁶.

В процессе интерпретационной деятельности критик, имея установку на реципиента и «свой вопрос», который обусловила экзистенциальная и коммуникативная ситуация, создает ментальную и/или ментально-текстовую модель (первичный текст) интерпретации, уже ориентируя его на читателя. Здесь необходимо выделить следующий сегмент и следующее направление взаимодействия в структуре критической деятельности: Критик – Критический текст – Читатель. Этот сегмент в некотором смысле повторяет первый (Автор – Художественный текст): наличие определенной интенции, направленной на реципиента, текст, в котором эта интенция реализуется, читателя как множество. Такая формальная корреляция, между тем, корректируется специфическими особенностями, присущими критической деятельности. Так, например, множество Читатель включает и писателя. Непосредственные обращения к нему в текстах современной литературной критики редки, однако, включенный во множество реципиентов, он оказывается тем наблюдателем, который подразумевается и влияет на протекание диалога («эффект двойного диалога»⁵⁷).

Читатель может быть знаком с интерпретируемым художественным произведением, и это первичное личное восприятие входит в область пред-знания реципиента. В таком случае коммуникативно-прагматическая интенция критика будет направлена на ценностные, общественные и другие ориентиры/стереотипы реципиента, возможно, с целью изменить их или внушить свои (свои критерии оценки как верные, свое представление об общественной проблеме,

⁵⁶ Марченко А. Синдром: единогрезие // Знамя. 1988. № 6. С. 215.

⁵⁷ О функции наблюдателя в художественной и речевой коммуникации: Попова Т. И. Диалог с двойным адресатом // Риторика в современном обществе и образовании. М., 2003; Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. М., 2007; Формановская Н. И. Речевое общение. М., 2002.

нашедшей отражение в произведении, как верное), и на то возможное представление/суждение о произведении, которое уже имеется в сознании реципиента. По сути, мы имеем следующий сегмент: художественное произведение в восприятии критика – художественное произведение в восприятии читателя. Очевидно, что восприятие критика эксплицитно (и имплицитно) представлено в тексте критической статьи и аргументируется (с разной степенью использования специального инструментария). Все другие «восприятия» присутствуют имплицитно как возможные «чужие прочтения». Но они могут быть и эксплицированы. Критический материал дает многочисленные примеры экспликации так «чужого мнения»: точки зрения критиков, с которыми спорит/согласен автор статьи; мнения/ощущения массового читателя, (не)истинные, глубокие/поверхностные. Читательское прочтение художественного произведения и прочтение критика – (само)интерпретации – «встречаются» в критической статье, а более явно в сознании реципиента, когда его «ответ» будет соотноситься с «ответом» критика. Можно сказать, что в сознании читателя сходятся (конфликтуют/соотносятся) две интенции: писателя и критика. Определим это явление как конфликт преобразующих установок.

В результате критической деятельности появляется еще одно читательское прочтение. В этом смысле «жизнь» (функционирование) художественного произведения в рамках критической деятельности представляет собой сложный процесс трансформации/приращения/ утраты смысла в ситуации intersubjectивного взаимодействия.

Возможно варьирование рассмотренного сегмента в том случае, когда личная интерпретация критика отличается от представленной им в тексте (явление «заказной» критики). В этом случае место в рассматриваемой структуре займет «вторичный» текст и механизм функционирования структуры не нарушится. Появится лишь новое обстоятельство коммуникации, которое определит интенцию критика. Объектом интерпретации критика может быть не художественное произведение, а то или иное явление, тенденция литературного процесса. В этом случае редуцируется компонент Автор, а само явление может рассматриваться как текст, выполняя ту же функцию в структуре критической деятельности, что и художественное произведение.

Выделим из общей модели компонент Критик и рассмотрим его функционирование на первом этапе критической деятельности.

Критик как субъект критической деятельности имеет свою структуру. В данном случае мы не рассматриваем структуру сознания субъекта познания⁵⁸, нам важен момент структурирования в коммуникативном аспекте, обусловленный ситуацией intersubjectивного взаимодействия. Понятие intersubjectивности принципиально значимо для нас, поскольку выделяемые уровни структуры будут непосредственно соотноситься с направлениями интеракции. Вслед за М. Бахтиным, Г. Хайдеггером, Ю. Хабермасом, мы понимаем intersubjectивность не только как признак коммуникативной деятельности, но и как необходимое начало познания⁵⁹.

В качестве активного компонента структуры критической деятельности критик (субъект) начинает функционировать в момент целелогаания⁶⁰. Однако необходимо подробнее остано-

⁵⁸ Этому аспекту посвящены работы А.А. Леонтьева «Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности», А.Г. Асмолова «Деятельность и установка», Э.Г. Юдина «Методология науки. Системность. Деятельность», В.М. Видгофа «Целостность эстетического сознания».

⁵⁹ Так, М. М. Бахтин говорит о внутренней структуре единого в двух лицах субъекта познания, расщепленного на того, кто осуществляет рефлексю над познанием (автора) и осуществляющего само познание (см.: Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 8 – 9). В. С. Библер обосновывает принцип диалогичности как диалогического столкновения двух радикально различных культур мышления, сопряженных в логике спора (диалоге) логик (см.: Библер В. С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). М., 1975. С. 42). Ю. Хабермас дает следующее определение коммуникативных интеракций: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое согласие измеряется intersubjectивным признанием притязаний на значимость (правильность)» (см: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 91).

⁶⁰ О роли целелогаания см.: Зеленов Л. А. Структура эстетической деятельности: дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск,

виться на той предструктуре, которая во многом определяет и содержание целей, и процесс критического суждения и оценки. Речь идет о коммуникативно-прагматическом контексте как условии понимания. Изучение этого компонента сопряжено с рядом трудностей, так как мы не располагаем достоверными сведениями о психическом состоянии, действительных мотивах критика в момент, предшествующий и совпадающий с интерпретацией и ее фиксацией. Сложность, в ряде случаев невозможность верификации выводов, к которым приходят исследователи, изучающие феномен «предпосылки», порождает критику в адрес прагмалингвистики, рецептивной эстетики. Однако интерес к этой проблеме познания – естественный результат развития эпистемологии. По мнению Е. Н. Ищенко, выйдя к новой неклассической (коммуникативной) парадигме познания, эпистемология (Ч. Пирс, Р. Барт, К. Аппель, Ю. Хабермас и др.) признает невозможность беспредпосылочности человеческого познания (изучает проблему предпосылок и оснований познания, приходит к мысли о том, что гуманитарное познание предпосылочно по природе своей, и «слой» этих предпосылок имеет сложную структуру)⁶¹. Факт наличия неосознаваемого, дорефлексивного («экзистенциального») уровня как горизонта предпонимания признают сегодня в качестве аксиомы представители коммуникативного направления в лингвистике, прагмалингвистике, в рецептивной эстетике, функциональном литературоведении, герменевтике⁶².

Таким образом, еще до момента осознанного пребывания в статусе субъекта критической деятельности, критик может быть рассмотрен в ситуации «коммуникативного контекста». Понятие «коммуникативный контекст», или «прагматический контекст» – теоретическая и когнитивная абстракция. Составим теоретическую модель контекста, предшествующего процессу планирования адресантом своей «коммуникативной партии». Описание коммуникативного контекста необходимо вести в двух плоскостях: первая охватывает совокупность предпосылок, пред-рассудков, присущих субъекту коммуникативной деятельности (критику); вторая касается особенностей «рецептивной ситуации» определенного историко-культурного периода. В коммуникативном контексте выделяются осознаваемые и неосознаваемые предпосылки будущей интерпретационной и текстопорождающей деятельности. К бессознательным предпосылкам относим языковую компетентность субъекта, национальную принадлежность, биолого-физиологические данные, психологический тип, национально-ментальные стереотипы, фреймы и сценарии, «ситуационные модели» (Т. ван Дейк), находящиеся в эпизодической памяти и репрезентирующие предшествующий опыт коммуникации вообще, критической деятельности, знание о «рецептивной ситуации». Осознанные и чаще всего вербализуемые далее в тексте критических статей предпосылки: социально-культурный, профессиональный статус, текущее эмоциональное состояние, вкусы, политические воззрения, представление о статусе критики/литературы на сегодняшний день, способ интерпретации и текстообразования, мнения о конкретных писателях/ произведениях, ценностный ориентир. Позиция критика как «вопрошающего» может быть как осознанной, так и бессознательно предполагаемой.

Данный прагматический контекст динамичен, может меняться в ходе критической деятельности. Так, уже в момент появления мотива, целей деятельности некоторые из перечис-

1971; Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974; Ворожбитова А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление. М., 2005 и др.

⁶¹ Ищенко Е. Н. Проблема субъекта гуманитарного познания: эпистемологический анализ // Философские науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж, 2006.

⁶² Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн основанием достоверности познания считают жизненный мир («круг уверенностей»), привычные ориентации, предваряющие знание «снизу». Г. Шпет в качестве предпосылок понимания называет язык и стиль мышления, которые очерчивают «горизонт» понимающей деятельности. В рамках экзистенциально-онтологической концепции ситуация предпонимания как один из главных этапов познания вообще рассматривается М. Хайдеггером, а в рамках концепции теории коммуникативного действия изучается Ю. Хабермасом.

ленных предпосылок будут актуализированы, а сам ряд иерархически выстроен, пополнен (в частности, моделью коммуникативного контекста реципиента).

Теория критики, касаясь вопроса мотива критической деятельности, чаще всего представляет нам так называемые идеальные, долженствующие мотивы. Нередко подобные мотивировки встречаются и в текстах самих критических работ. Однако не исключен фактор ангажированности литературной критики, о котором пишут сами авторы⁶³. Момент ангажированности, а следовательно, присутствия «скрытого мотива» существенно важен для нас в осмыслении структуры критической деятельности в ее коммуникативно-прагматическом аспекте. Будем различать два вида интенций в рассматриваемой модели. Первая – вербализованная, вторая – скрытая, присутствующая имплицитно, прагматическая. Они вычлняются из текста критической работы, но разными методами. Обе определяются мотивами и целеполаганием. Этап целеполагания, структурно и содержательно важный для всего механизма критической деятельности и деятельности вообще, по мнению В. А. Карташева, «является императивом для всех других компонентов»⁶⁴.

Одна из определяющих целей в структуре критической деятельности – убеждение, воздействие. Эта цель, вероятнее всего, должна рассматриваться как еще один компонент предзнания, сформированный исторически, генетически восходящий к периоду нерасчлененного существования критики и риторики. Наличие убеждения как сверхцели обусловлено особым типом дискурса, к которому принадлежит критика. Литературно-критическое высказывание может быть рассмотрено как вариант ментатива (ментатив – класс дискурсивных практик, которые «не просто информируют о состояниях или процессах бытия или мышления, но предполагают – в качестве следствия коммуникативного события – некоторое ментальное событие (изменение картины мира) в сознании адресата»⁶⁵). Литературно-критическая ментативная деятельность как деятельность коммуникативная обусловлена референтными, креативными и рецептивными коммуникативными условиями, или «дискурсивными компетенциями»⁶⁶, определяющими коммуникативную/ риторическую стратегию критического высказывания.

Референтные условия литературно-критического варианта ментатива проистекают из концептуализации в критическом тексте референтного содержания, его «разворачивания», конкретизации для Другого. Референтным содержанием литературно-критического высказывания является интерпретация, понимаемая нами в широком герменевтико-онтологическом значении. Одним из дискурсивных условий является притязание критического суждения на общезначимость, недискуссионность. Это условие требует использования системы риторических приемов. Другим референтным условием становится наличие в критическом суждении оценки. Убеждение читателя в ее авторитетности предполагает обращение к области ментального.

Критическое высказывание характеризуется тем, что говорит не о целостном смысле литературного явления, а об актуальном для критика/ критического направления/журнала. «Вычитанный» смысл, сопряженный с эстетическими, ментальными, экзистенциальными установками критика, лежит в основе референтного содержания. Кроме этого референтную компетенцию литературной критики как ментатива составляет мнение (не знание).

Рецептивные условия литературно-критического высказывания совпадают с условиями ментативной дискурсии как таковой. Для нее характерна развитая рецептивная интенция⁶⁷.

⁶³ См., например, материалы дискуссии в Литературной газете (2002 – 2003) «Самоубийство жанра», в частности, мнения П. Басинского, М. Шорохова, А. Столярова, Н. Переяслова, С. Казначеева.

⁶⁴ Карташев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995. С. 69.

⁶⁵ Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 40.

⁶⁶ Понятие «дискурсивная компетенция» использует В. И. Тюпа в работе «Коммуникативные стратегии теоретического дискурса» вслед за А. Греймасом.

⁶⁷ Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса. С. 42.

Рецептивная компетенция литературно-критического дискурса определяет круг возможных реципиентов, которые могут адекватно воспринять авторскую интенцию. У толстожурнальной критики такой круг неширок, в то же время названная компетенция не требует основательных специальных знаний и навыков, поэтому критик как профессиональный читатель находится ментативно в выигрышной позиции.

Одним из правил инвенции в риторике является зависимость успеха речевого воздействия от общего интереса, который движет собеседниками. Такой общей областью интересов адресанта и адресата литературной критики является интерес к современной литературной действительности (от профессионального до любопытства), в котором могут доминировать интерес к частному мнению/оценке, к литературному факту в его связи с социальными процессами, желание «проверить» свою интерпретацию литературного явления, свои «вычитанные» смыслы, «ответы» с представленными в критическом тексте (соотнести свое дорефлективное понимание с вариантами отрефлексированного) и шире – онтологически критика и читателя объединяет общая позиция «спрашивающего». В первой половине 1990-х критика укрупняет свой предмет, чтобы максимально расширить область совпадения интересов. Осваивается явление масслита, востребованного читателем, одним из доминирующих объектов в это время становится общественное сознание, толстожурнальная критика (особенно журнала «Знамя») выходит к осмыслению острых экзистенциальных вопросов.

Реципиент литературно-критического дискурса – читатель элитарный, заинтересованный в получении авторитетного суждения о литературной действительности и ее фактах. Одной из его компетенций должна быть способность приблизиться к ментальности субъекта критического суждения, а также способность принять специфическую систему, логику аргументации в критическом тексте, допускающую большую долю субъективности, эмоциональности. Цель критика – обрести единомышленников, поэтому в рецептивную компетенцию литературно-критического дискурса входят солидарность мышления и сочувствование.

Критический дискурс конструктивен, поэтому важную роль в литературно-критическом ментативе играет креативная компетенция. Критика осваивает неизученный литературный материал, формируя металитературный контекст. Креативная компетенция критического дискурса состоит в конструировании «литературного пейзажа», выстраивании ценностных иерархий/критериев, в инновационности металитературного языка, на котором осуществляется все множество критических суждений, в корректировании и формировании новых ментальных представлений. Принадлежность литературно-критического высказывания к ментативному дискурсу и особенности его коммуникативных условий объясняют значимость прагматической компоненты целеполагания, направленной на убеждение.

Выделим и другие цели, располагая их не иерархически-соподчиненно, поскольку в зависимости от мотива та или иная целеустановка может стать доминирующей. Первая цель формулируется нами исходя из герменевтико-онтологического представления о «понимающем бытии». Цель критика – изначально – познать литературное явление как часть бытия. Вторая цель соотносится с литературным явлением как сегментом критической деятельности – интерпретировать художественное произведение/литературное явление с использованием того или иного способа/метода познания в аспекте, заданном мотивом. Момент интерпретации, напомним, неотделим от самоинтерпретации. Реализация этой цели предполагает создание ментальной модели (первичного текста) интерпретации. Результатом интерпретации может стать реконструирование «вопроса» автора или образа автора как «вопрошающего». Третья цель, выделяемая теоретически как отдельная, но в момент реализации совпадающая с предыдущей, – оценка художественного произведения/литературного явления в соответствии с представлениями об эстетическом идеале, своим представлением об «ответе», эстетическим вкусом, либо, как вариант, в соответствии с заданной оценкой. Четвертая – порождение критического текста, реализация авторской интенции. Пятая – осуществление ментальных,

поведенческих изменений в реципиенте. Отдельные целеполагания могут редуцироваться, осознаваться как первостепенные или второстепенные в зависимости от мотива. Критерием типологии интенций в их связи с целеполаганием становится степень осознанности, приоритетности той или иной цели, с одной стороны, и интенсивности привлечения интерпретируемого и оцениваемого материала, с другой.

Аналитико-ориентирующая интенция, условно вербализуемая в действиях «изучить, проанализировать, проследить и т.п.», реализуется чаще всего в жанре обзора, критического разбора, статьи, заметок. В чистом виде она представлена в научно ориентированной критике, сосредоточенной на анализе литературного явления. Выходы за пределы интерпретируемого объекта подчинены логике аргументации и не являются самоцелью. Примером критических работ, в которых реализован данный вид интенции, служат статьи А. Моторина «Лирический прилив» (Новый мир. 1992. № 9), М. Липовецкого «Современность тому назад» (Знамя. 1993. № 10), Е. Иваницкой «Постмодернизм = модернизм?» (Знамя. 1994. № 9), А. Ранчина «"Человек есть испытатель боли..." Религиозно-философские мотивы поэзии Бродского и экзистенциализм» (Октябрь. 1997. № 1), И. Роднянской «Сюжеты тревоги. Маканин под знаком "новой жестокости"» (Новый мир. 1997. № 4), А. Уланова «Медленное письмо» (Знамя. 1998. № 8) и др.

Структура цели в текстах с аналитико-прагматической интенцией организована следующим образом: доминирует аналитическая цель (интерпретировать то или иное литературное явление), аксиологическая становится второстепенной либо редуцируется, собственно прагматические целеустановки присутствуют, но не определяют коммуникативную стратегию.

Полемически-прагматическая интенция («оспорить, дать оценку, доказать свою точку зрения, убедить, внушить и т.п.»). Данная интенция характерна для критических работ в жанре полемической статьи, критического разбора с высокой степенью оценочности. Этот вид интенции объединяет статьи Л. Лазарева «Былое и небылицы» (Знамя. 1994. № 10), Н. Елисеева «Гамбургский счет и партийная литература» (Новый мир. 1998. № 1), В. Камянова «Игра на понижение. О репутации "старого искусства"» (Новый мир. 1993. № 5), Н. Ивановой «Неопалимый голубок. "Пошлость" как эстетический феномен» (Знамя. 1991. № 8) и др. В них актуализирована установка на адресата как объекта воздействия. Интерпретируемый материал, как правило, используется в качестве повода для обсуждения не собственно литературных, а социальных проблем, в качестве дополнительного средства аргументации.

Интенция самопрезентации характерна в большей степени для газетной критики⁶⁸. Роль художественного произведения в текстах, реализующих данный вид интенции, как правило, минимальна, используется как повод демонстрации критиком собственной осведомленности, причастности описываемым событиям и т.п. Прагматическая компонента целеполагания определяет способ порождения такого типа критических текстов.

Установка на адресата является общей для выделенных видов интенций. Она объединяет две различные коммуникативные процедуры: интерпретации и продуцирования текста и является структурообразующей для критической деятельности в целом. Понятие установки заимствуется нами из психологии⁶⁹. Как доминирующая эта установка проявится в акте текстообразования, однако уже на первом этапе критической деятельности она будет присутствовать

⁶⁸ Об этой черте новой газетной критики пишет Н. Иванова в статье «Сладкая парочка» (Знамя. 1994. № 5).

⁶⁹ По словам А. Г. Асмолова, «в деятельности, как и в любом движении, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности. Стабилизаторы деятельности находят свое выражение в своеобразной инерции деятельности. Роль такого стабилизатора выполняет установка» (см.: Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979. С. 6). По мнению Д. Н. Узнадзе (ученый исследует феномен установки экспериментально, но затем выходит за рамки эксперимента, связанного с эффектом иллюзий, и делает вывод о возможности использования метода в изучении проблемы установки вообще), установка – это момент динамической определенности психической жизни, целостная направленность сознания в определенную сторону на определенную активность (см.: Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001. С. 25). В акте критической деятельности это направленность на коммуникативный акт, будущий или настоящий, с его прагматической составляющей.

имплицитно, или, по выражению Д. Н. Узнадзе, «внесознательно, предвеляя появление определенных фактов сознания»⁷⁰. Здесь, вероятно, происходит процесс иррадиации (иррадирование – свойство установки, выражающееся в динамизме, переходе из одной области в другую). На втором этапе критической деятельности мы имеем дело с той же установкой, но усложненной прагматически. Критику необходимо сформировать/откорректировать установку восприятия продуцируемого текста. Установка, таким образом, выполняет роль «коммуникативного вектора» (О. Каменская⁷¹).

Наличие установки на адресата и на выстраивание коммуникативного акта как свойство структуры исторически и культурно закреплено и действует как по принципу автоматизма, так и сознательно. Установка на адресата, на прагматический коммуникативный акт является именно структурообразующим основанием, детерминантом, а не отдельным компонентом структуры, поскольку содержательно проявляется на всех уровнях критической деятельности. Кроме того, ориентация на тот или иной тип аудитории определяет целеполагание, а также жанр, стиль, метод интерпретации.

Наличие цели, в которой имеется установка на адресата, структурирующая эту цель, вероятно, и делает возможным переход от коммуникативной ситуации к «коммуникативному событию» как интересубъективной реальности.

Отдельное место в рассмотренной структуре занимает Текст. В процессе литературно-критической деятельности взаимодействуют «текст художественного произведения как воплощенная автором интенция», «текст критической статьи как результат интерпретации», «художественный текст в первичном восприятии читателя», «художественный текст в откорректированном критиком восприятии читателя». Дополним этот ряд еще одним компонентом – «представление критика о первичном читательском восприятии художественного текста». Выделение этого компонента необходимо при изучении прагматической составляющей критической деятельности, направленной на изменение/корректировку читательских представлений. В том случае, если мы имеем дело с полемическим критическим текстом, выделяется еще один компонент – «художественный текст в «чужой» интерпретации».

Критический текст в таком случае представляет собой сложное структурное образование, в нем вычлняются все выделенные типы текстов (кроме аутентичного). Это такое коммуникативное пространство, в котором репрезентированы основные структурные взаимодействия компонентов критической деятельности.

Литературно-критическая деятельность, понимаемая как формализованный акт само(интерпретации), претендующий на общезначимость, несомненно, шире акта истолкования литературного явления. Такой взгляд на критику требует переосмысления категории метода литературной критики. Традиционно литературно-критический метод охватывал только интерпретационную деятельность критика и отождествлялся с литературоведческим. Парадигма онтологии понимания отказывается от категории метода (Г. Гадамер), представляя литературно-критическую (само)интерпретацию как процедуру, которую можно (используя технику анализа текста) и нельзя (поскольку она есть уникальный, как все другие, акт понимания) повторить. Нет необходимости, на наш взгляд, отказываться от категории «метод литературной критики» (специфика критики в большей степени объясняется ее качеством вторичного понимания, «методологического», с точки зрения М. Хайдеггера), но необходимо ее иное осмысление, выработка иных классификационных критериев для типологии.

Приходится констатировать, что категория метода литературной критики сегодня не наполнена тем определенным теоретическим смыслом, который позволил бы ей быть востребованной в научной и критической практике. Показательно, что сами критики избегают исполь-

⁷⁰ Узнадзе Д. Н. Психология установки. С. 59.

⁷¹ Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.

зывать понятие метода либо скептически оценивают его функциональность. Е. Иваницкая в статье «Постмодернизм = модернизм?» пишет: «Критик оказывается сам по себе теоретик, методолог и исследовательский институт. Уж если когда критика окончательно разошлась с университетско-академическим литературоведением, то именно сегодня. За круглым столом «ЛГ» (23 февр., 1994) дружно сомневаются, а существует ли вообще литературоведение?... и те критики, которые как раз взыскуют идеала, культурного единства и культурного “здоровья”, в качестве *ultima ratio* вынуждены ссылаться на себя...»⁷². Н. Анастасьев в статье «Недостающее измерение» вспоминает слова Л. Фидлера: «у нее [критики – Ю. Г.] нет ни методологии, ни терминологического аппарата, чтобы адекватно описать и оценить происшедшие в литературе перемены»⁷³. Н. Иванова, говоря о методе своей деятельности, использует ненаучную трактовку этого понятия: «Объединяет его [текст собственного творчества – Ю. Г.], кроме всего прочего, общая методология. Я вижу, что в нашей политике действуют люди, играющие определенные роли, и я их декодирую как персонажей»⁷⁴.

Непопулярность категории метода объясняется и дополнительной идеологической окраской, привнесенной в советский период («Когда историко-литературный термин становится оценочным, он перестает быть термином»⁷⁵).

Представление о сложной структуре критической деятельности делает возможным поиск такого обоснования категории метода критической деятельности, которое бы учитывало все сегменты описанной структуры в комплексе (существующие концепции охватывают лишь сегмент «критик – литературное явление»). Следуя герменевтико-онтологической традиции, категория метода используется нами в отношении второго (рефлексивного) акта критической деятельности. Процесс же первичного понимания, а тем более, самопонимания категорией метода не охватывается.

К бесспорным методологическим основаниям литературной критики можно отнести ее принадлежность к общему контексту гуманитарного знания, в центре познания которого находится не вещь, а личность; отношения познавательной деятельности характеризуются как субъект-субъектные; наличествует аксиологическая составляющая.

Современные исследователи все настойчивее подчеркивают, что критика вырабатывает свои принципы научности, отличные от литературоведческих, искусствоведческих, философско-эстетических и других (И. В. Кондаков, В. Е. Хализев). Однако вопрос о своеобразии проявления принципа научности в критике остается наименее изученным.

Методы гуманитарного научного познания используются в литературной критике «не в чистом» виде, а переосмысливаются. Редуцируется жесткое требование научной доказательности, логической аргументированности; необязательным становится требование целостности в подходе к произведению. Согласимся с мнением Л.В. Чернец о том, что критическая интерпретация отличается определенной избирательностью в подходе к произведению⁷⁶. Одновременно в критическую деятельность привносится субъективность. Речь идет не только о той доле субъективности, которую предусматривает гуманитарное познание, но и о субъективности, которая в критике может выполнять роль аргумента (часто впечатление от прочитанного оказывается основой для формулирования оценки). По мысли Б. Менцель, такие критерии, как «увлекательно», «интересно», «сложно», «скучно», «идеологизированно» и так далее, «развиваются и передаются как квалифицированные вкусовые суждения»⁷⁷. В книге «Как слово

⁷² Иваницкая Е. Постмодернизм = модернизм? // Знамя. 1994. № 9. С. 187.

⁷³ Анастасьев Н. Недостающее измерение // Знамя. 1995. № 3. С. 192.

⁷⁴ Иванова Н. Интервью вместо послесловия. С. 338.

⁷⁵ Немзер А. История пишется завтра // Знамя. 1996. № 12. С. 210.

⁷⁶ Чернец Л. О формах интерпретации литературных произведений // Художественное восприятие: проблемы теории и истории: межвуз. тематич сб. науч. тр. Калинин, 1988. С. 48.

⁷⁷ Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп: [Электронный ресурс]. Кельн,

наше отзовется...» Судьбы литературных произведений» Л.В. Чернец высказывает мнение о том, что критическая интерпретация произведения имеет субъективные предпосылки: «Подход критика к произведению всегда избирателен и обусловлен его мировоззрением, эстетическим вкусом, жизненным, читательским опытом и пр.»⁷⁸. Принципиально важно и замечание В.С. Брюховецкого: «Критика является структурно сложной относительно самостоятельной деятельностью, в которой элементы художественного и теоретико-научного мышления выполняют подчиненную доминантам коммуникативно-прагматического мышления роль, а объединяются на основе эстетического восприятия»⁷⁹

2001. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/ment-pr.html> (дата обращения 24.04.2009).

⁷⁸ Чернец Л. «Как слово наше отзовется...» С. 79.

⁷⁹ Брюховецкий В. Критика как мышление и деятельность. С. 84.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.